

**ЧЕЛОВЕК
ПРЕСТУПНЫЙ**
КЛАССИКА КРИМИНАЛЬНОЙ
ПСИХОЛОГИИ

БЫТЬ ЖЕРТВОЙ

**ПРИРОДА
СЕКСУАЛЬНОГО
НАСИЛИЯ**

**ЮРИЙ
АНТОНЯН**

Человек преступный. Классика криминальной психологии

Юрий Антонян

**Быть жертвой. Природа
сексуального насилия**

«Алисторус»

2017

УДК 343.9
ББК 67.51

Антонян Ю. М.

Быть жертвой. Природа сексуального насилия / Ю. М. Антонян —
«Алисторус», 2017 — (Человек преступный. Классика
криминальной психологии)

ISBN 978-5-906979-62-9

«Она сама виновата, кто ее просил в юбке вечером по городу ходить!» — именно эту фразу чаще всего слышат следователи на допросе маньяков и насильников. То же можно услышать и от самых обычных людей безо всяких признаков психического расстройства. Есть ли в этом высказывании доля правды? Как ведет себя потенциальная жертва? А как ведет себя человек, склонный к насилию? Кто идет на такие преступления: больные, доведенные до крайней степени отчаяния и стресса или, может, самые обычные и трезвомыслящие люди? Ответ вас удивит... Книга классика современной криминалистики и юридической психологии расскажет все о природе насилия.

УДК 343.9

ББК 67.51

ISBN 978-5-906979-62-9

© Антонян Ю. М., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Предисловие	6
Глава I	10
Что об этом известно в криминологии	10
Сексуальное насилие как решение важнейшей жизненной задачи	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Юрий Миранович Антонян
Быть жертвой. Природа
сексуального насилия

© Ю. Антонян, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Любое цивилизованное общество строго охраняет права и законные интересы своих граждан, их жизнь и здоровье, достоинство и неприкосновенность личности, сурово карая за всякое посягательство на них, особенно если страдают дети и подростки. Любое цивилизованное общество строго оберегает честь и достоинство женщин как символ собственной чести, а эффективность этой защиты выступает показателем его культуры. Существующий строй сексуальных отношений охраняется, конечно, не только и не столько с помощью уголовного кодекса, но главным образом путем воспитания нравственных чувств, формирования культуры общения и межличностных отношений, полового воспитания, оказания психологической помощи в разрешении глубинных переживаний и конфликтов. Именно эти меры на фоне общего повышения культуры следует рассматривать как наиболее важные в борьбе с сексуальными преступлениями, особенно изнасилованиями, и наиболее эффективные. В структуре преступности сексуальные посягательства менее распространены и не идут ни в какое сравнение, например, с кражами и другими имущественными правонарушениями. Но даже относительно небольшое их количество не может не вызывать тревоги в силу повышенной общественной опасности, необратимости последствий, глубоких физических, моральных и психологических травм.

Закономерно, что изнасилования несовершеннолетних либо сопряженные с убийствами или нанесением тяжких телесных повреждений, с истязаниями и мучениями жертв вызывают однозначное и суровое осуждение общественности.

«Серийные» зверские убийства женщин и детей в Ростовской и Витебской областях, Москве, Иркутске, Пензе, Ставрополье и некоторых других местах приковали к себе всеобщее внимание, породили страх у населения. Необходимо отметить, что подобные преступления «сотрясают» и многие другие страны. По сообщениям печати, за последние годы несколько таких преступлений было совершено, например, в США (в штатах Вашингтон, Колорадо, Флорида). Поэтому без преувеличения можно сказать, что борьба с половым насилием и убийствами на сексуальной почве актуальна практически для каждой страны. Добавим, что у нас они раскрываются очень плохо, в том числе по причинам их недостаточной изученности, отсутствия необходимых сведений о тех, которые преступили все мыслимые грани.

Мы поставили перед собой задачу рассказать, почему совершается сексуальное насилие, рассказать не только юристам, психологам или сексопатологам, но всем тем, кого интересуют эти вечные тайны, для кого небезразличны нравственное здоровье людей, судьбы жертв таких посягательств, всем, кто хочет знать, как избежать опасности. Как ни странно, для нас важно обратиться и к потенциальным сексуальным преступникам, показывая субъективные причины и механизмы половых правонарушений. Эти движущие силы обычно не осознаются человеком, но поняв, осмыслив их с нашей помощью, они смогут управлять ими и в силу этого избежать совершения опаснейших поступков.

Общество ждет более эффективной профилактики этих преступлений, острого реагирования правоохранительных органов на каждый факт, обязательного изобличения виновных и их наказания. Причем наказание должно быть таким, чтобы исключить возможность рецидива. Однако до сих пор мы не умеем исправлять сексуальных преступников, и работа с ними в местах лишения свободы ведется такая же, как, например, со взяточниками или ворами.

Все это в общем-то неудивительно, поскольку половые преступления еще мало исследованы с широким привлечением современных достижений социологии, психиатрии и в первую очередь сексологии, сексопатологии и психологии.

В нашей стране даже сфера изучения половой преступности в прошлом была весьма идеологизированной. Более того, эти преступления исследовались как-то стыдливо, а публикации о них были недоступны широкому кругу читателей, они охранялись почти наравне с

военными секретами. Здесь проявилась очень интересная тенденция: тоталитарное коммунистическое государство вмешивалось во все дела и поступки человека, даже залезало к нему в постель, установив, например, уголовную ответственность за мужеложество. А поскольку половая жизнь людей все-таки ускользала от бдительного ока, выгодно было делать вид, что этой жизни вроде бы и не существует. По этой причине вся сексологическая (а криминологическая тем более) литература оказалась под запретом.

В настоящее время, как известно, началось бурное движение в противоположную сторону, от пуританства и фарисейства к полной разнузданности и резкому падению нравов. Сейчас любой мальчишка и любая девчонка могут в неограниченном количестве приобрести литературу о сексе – низкопробную, грязную, срывающую с него все покровы цивилизации и сводящую его к простому совокуплению. Но серьезных научных и научно-популярных работ о сексуальной жизни и отношениях между полами все еще очень мало.

Если сексуальные преступления еще кое-как описываются, то объясняются из рук вон плохо. Приводимые причины изнасилований (причины других посягательств на половую неприкосновенность человека вообще никогда у нас не исследовались) столь невняты и неубедительны, что невозможно понять, почему они все-таки совершаются. Между тем незнание причин самым пагубным образом отражается на профилактике сексуальных преступлений.

Конечно, работники следствия, суда, прокуратуры и адвокаты имеют свое понимание природы и причин сексуальных преступлений, но оно, по существу, не выходит за рамки обыденных житейских представлений. Многие люди, в том числе юристы, уверены, что если у обвиняемого в изнасиловании выявлена, например, психопатия, то этим все сказано, т. е. совершенно ясно, что по причине такого психического расстройства он и совершил данное преступление. И не всем приходит в голову, что тысячи психопатов никогда не преступают уголовно-правовые запреты. Очень часто принимаются на веру объяснения и мотивировки самих обвиняемых, и дело здесь не в том, что они могут намеренно исказить истину, а в том, что преступники чаще всего попросту сами не знают причин собственных поступков.

Между тем в области изучения сексуального поведения отечественными сексопатологами и психиатрами сделано немало. Но это главным образом психиатрические работы, построенные на изучении аномальных и больных людей, совершивших общественно опасные сексуальные действия. Но их явно недостаточно для объяснения сексуального насилия, хотя бы потому, что многие виновные в совершении сексуальных преступлений психически здоровы. Даже если у них имеются психические нарушения (в пределах вменяемости), их преступное поведение не может быть объяснено с психиатрических позиций. Необходимо комплексное изучение, поскольку никакие внешние и внутренние, в том числе патологические, факторы не действуют напрямую, а только преломляясь через психологию личности.

Одним словом, не зная психологии виновного в посягательстве на половую неприкосновенность, невозможно понять, почему он это сделал. Пока же психология таких людей изучена слабо. Отсюда нерешенность многих криминологических криминалистических, экспертных, исправительных и других проблем, почти полное отсутствие научно обоснованных предложений и рекомендаций по профилактике и раскрытию этих преступлений, исправлению виновных. Есть еще одно обстоятельство, препятствующее глубокому познанию половых правонарушений: для изучения такого рода преступлений требуются не только специальные знания и навыки применения тонких методик, однако подобные правонарушения сами по себе, в силу своего характера и тяжести последствий нередко как бы отталкивают от себя исследователя. Изнасилования и убийства, совершенные с особой жестокостью, насилие над детьми и причинение им тяжких увечий, различного рода сексуальные извращения всегда вызывали естественное отвращение, а следовательно, и нежелание заниматься непосредственным изучением личности виновных в столь омерзительных злодеяниях.

Уместно отметить, что половое поведение, пусть и преступное, как и сексуальная жизнь человека в целом, относятся к числу самых больших и загадочных тайн природы, общества и личности и, возможно, нигде как в такой жизни столь сложно и тесно не переплетаются в человеке природные и социальные силы. Сексуальные эмоции, переживания и установки сугубо интимны, скрытны и глубоки, порой драматичны, имеют исключительное бытийное значение. Они оказывают огромное влияние на судьбу личности, подчас круто меняют ее, перестраивают все мироощущение.

Сексуальные отношения множеством невидимых нитей переплетаются с иными связями и ценностями, эти отношения часто непонятны и даже необъяснимы для внешнего взгляда, их познанию существенно препятствуют тысячелетние ошибки и заблуждения, страхи и предрассудки, предвзятые и неоднозначные оценки, суеверия и сложнейшая символика. Слишком часто в межполовых отношениях и эмоциях видели источник и сущность человеческой порочности, а отношение к ним колебалось от наготы и цинизма до пуританской стыдливости, замалчивания и даже полного отрицания. Тем не менее, секс и сексуальные отношения во всем их многообразии всегда сохраняют свою властную притягательную силу. В качестве объекта изучения они всегда привлекали внимание философов, психологов, юристов, писателей.

Сексуальное насилие как разновидность полового поведения, точнее, как его несоциализированная, вандалическая форма, не может быть адекватно объяснено лишь как правовое явление вне широкого контекста сексуальной жизни человека, разнообразных социально-психологических связей и механизмов, роли сексуальности в его жизни.

Главная задача, которую мы ставим перед собой, заключается в попытке раскрытия внутренних причин названных правонарушений через их мотивацию, не игнорируя при этом и внешние способствующие факторы. Выбор именно мотивации закономерен, ибо в мотивах заключены побудительные силы поведения, его личностный смысл, т. е. то, ради чего совершаются данные преступные действия, в чем их субъективная выгода для индивида.

Ведь очень часто стороннему наблюдателю представляется, что наступающие последствия в виде уголовного наказания неизмеримо превышают все зримые выгоды от совершенного правонарушения, и поэтому, казалось бы, нет никакого смысла поступать таким образом. Однако так только кажется, поскольку самые дикие, гнусные, даже нелепые поступки всегда, подчеркиваем – всегда, имеют свою внутреннюю логику, свое внутреннее обоснование, свой психологический выигрыш. Но понять это можно, лишь принимая во внимание мотивы поведения. Знание их дает возможность понять личность сексуального преступника.

Пристальный интерес к личности вовсе не означает психологизации проблемы половых преступлений, поскольку, во-первых, без знания человека понять эту проблему попросту невозможно. Во-вторых, ее изучение позволяет выйти на широкий социальный уровень, сделать социальные обобщения. Иначе, собственно, и не может быть, поскольку сексуальные преступления, как и любые другие, совершаются личностями, формирование, развитие и поведение которых немыслимо вне общественных и социальных ситуаций.

Мы намерены рассказать здесь не только о самых распространенных половых преступлениях – изнасилованиях, которым, кстати, уже посвящен ряд работ. Не меньше места будет уделено убийствам на сексуальной почве. В книге не обойдены вниманием и потерпевшие, поскольку без анализа их личности и поведения зачастую совершенно нельзя понять, почему и как совершено преступление. Сексуальное – в особенности, потому что самим преступным действиям часто предшествуют более или менее тесные отношения между будущим преступником и будущей жертвой, отношения сложные, запутанные, противоречивые. Это можно сказать, например, о многих случаях изнасилований, когда женщина своим неосторожным, даже аморальным поведением, ведя так называемую любовную игру, вовлекает в нее мужчину. Это и факты изнасилования детей их отцами или отчимами, соседями или «друзьями» дома. Инте-

ресно отметить искреннюю убежденность многих преступников в том, что жертва сама стремилась к половой близости.

Чтобы выпукло показать специфику личности преступника, механизмы и истоки сексуального насилия, приведены развернутые примеры. В центре этих иллюстраций – личность преступника и история его жизни во всей ее неповторимости. Причем наше объяснение происшедшего – одна из возможных версий, построенная на определенном видении природы преступлений, посягающих на самую интимную сторону человеческой жизни. Наша версия построена на достоверных фактах, на результатах изучения реальных людей. Авторы – ученые-практики, т. е. люди, на протяжении многих лет сами изучающие тех, кто совершил столь тяжкие преступления.

Глава I

Природа сексуального насилия

Что об этом известно в криминологии

Криминологи неоднократно пытались выяснить причины изнасилований и других тяжких половых преступлений. Если суммировать высказанные в разное время на этот счет суждения, то они, в основном, сводятся к следующим:

1) совершение изнасилований и убийств связано с упущениями в нравственно-половом воспитании; не во всех учебных заведениях и трудовых коллективах уделяется должное внимание воспитанию культуры поведения и отношений, борьбе с проявлениями грубости, цинизма, с распространением пьянства и других негативных традиций проведения свободного времени;

2) специфическую роль играют примеры развязного сексуального поведения (например, совершение половых актов в присутствии детей; беспорядочная половая жизнь), распространение циничных взглядов на женщину и отношения полов;

3) развращающее влияние старших по возрасту, безнадзорность подростков в период полового созревания оказывают исключительно отрицательное влияние на состояние половой преступности;

4) криминогенным фактором является распространение представлений об «абсолютной половой свободе» как якобы атрибуте современной молодежи. Крайний индивидуализм, стремление удовлетворить свои узкоэгоистические интересы, представление некоторых мужчин о себе как о существах, имеющих чуть ли не от природы какие-то преимущества перед женщинами, сведение отношений между полами к чисто физиологическому акту. Подобные представления весьма живучи, обращены к самым низменным инстинктам и легко воспринимаются несознательной частью населения;

5) проблема изнасилований и убийств на сексуальной почве тесно переплетается с проблемой криминогенной роли потребления спиртных напитков, его влияния на область половых отношений. (Эта схема подкупает своей простотой и доступностью: выпил – изнасиловал или убил, нахулиганил. Никаких особых изысканий тогда не нужно, правда, одно неясно: ведь выпивают миллионы, а насилует, убивает и т. д. – значительное меньшинство);

6) при совершении изнасилований и даже убийств на сексуальной почве виновные руководствуются прежде всего хулиганскими побуждениями. Это якобы подтверждается тем фактом, что свыше 70 % этих преступлений совершаются хулиганствующими группами несовершеннолетних. Происходит это потому, что побуждающим фактором к совершению, например, изнасилований выступает в большинстве случаев бахвальство, стремление показать себя взрослым перед товарищами, ложно понимаемый героизм. Сильны при этом и моменты внушаемости, подражания, любопытства;

7) легкомысленное поведение потерпевших от половых преступлений, создавшее у преступников мнение о «естественности» их притязаний на интимную близость или обусловившее благоприятную обстановку для реализации этих притязаний;

8) сексуальные убийства чаще всего связаны с ревностью и частнособственническими воззрениями на женщину, из чего можно сделать вывод, что когда женщина убивает мужчину, она тоже смотрит на него частнособственническими глазами. А вообще, сексуальные убийства привлекали к себе мало внимания в силу неразвитости криминальной психологии, без которой невозможно объяснить, почему подобные преступления совершают вполне преуспевающие люди, весьма недурно адаптированные к существующей социальной системе. Нелишне

заметить здесь, что мотивы сексуального характера могут стимулировать совершение не только насильственных, но и косных преступлений – краж, хищений, взяточничества, а также разбоев и грабежей.

Оценивая перечисленные объяснительные конструкции, можно подумать, что действуют не живые насильники, а некие роботы. Отсюда упрощенные, даже умозрительные объяснения, в которых фактически игнорируется то чрезвычайно важное обстоятельство, что изнасилования, внешне справедливо расцениваемые как грубые, циничные, даже разрушительные действия, тем не менее, порождаются глубинными, тончайшими, часто психотравмирующими переживаниями и эмоциями, смысл которых по большей части не охватывается сознанием личности. Виновные в изнасилованиях лишь в редких случаях способны внятно объяснить, почему они совершили такие действия, в чем смысл, значение этих действий для них. Понять, какую субъективную задачу решает человек, совершающий такие и другие уголовно наказуемые поступки, – долг исследователя. Преступник же, поняв смысл этой задачи, тем самым овладевает и механизмами своего поведения, может лучше управлять им. Именно в этом заключены огромные, но почти не тронутые предупредительные в отношении изнасилований возможности.

Справедливости ради отметим, что изучение природы и причин половых преступлений отечественными юристами никогда не отличалось большой глубиной. Вот что писал, например, о подобных преступлениях известный русский дореволюционный (и «послереволюционный») юрист С.В. Познышев: «Особую разновидность импульсивных преступников составляют преступники половые, изнасилватели и развратители подростков и малолетних. Это – субъекты, у которых существует сильная склонность к половым удовольствиям, не ограничиваемая обычными у людей комплексами морального характера, а подчиняющаяся одним соображениям личной приятности и риска. В силу этих соображений они стараются обставить получение приятных ощущений полового характера такими условиями, при которых им не угрожали бы ни большой скандал, ни ответственность, но о моральной стороне своего поступка и о его социальной недопустимости они не думают... иногда преступления этих субъектов бывают очень тяжки, а иногда носят на себе печать не столько зверской жестокости, сколько не лишенной комизма половой распущенности»¹. Замечания эти не лишены точности, но им явно не хватает глубины.

С.В. Познышев анализирует следующий пример: крестьянин Московской губернии Иван Г., 55 лет, неграмотный, по профессии кузнец, на первый день Рождества в 1920 году в отсутствие своей жены изнасиловал свою дочь Зинаиду, 14 лет: сбросив с нее одеяло и сорвав рубашку, он совершил с ней половой акт, несмотря на ее сопротивление. С этого времени и до лета 1922 года, угрожая ей избиением, он время от времени жил с ней. Дочь, страшно запуганная, долго скрывала поступки отца, но потом все рассказала властям.

Чем же объясняет автор изнасилование Г. собственной дочери, поступок, кстати сказать, не очень редкий? Он обращается к истории жизни Ивана Г. и сообщает, что тот был сын трезвых родителей, которые отдали его с 9 лет в ученье по кузнечной части, и по окончании его он в течение всей жизни работал кузнецом; с 18 лет стал сильно пить, при этом любил пояснять, что «мастерское дело – известно, не выпьешь – и работать нельзя». Груб, драчлив, раздражителен. Женился в 25 лет, до этого с женщинами связи не имел. После смерти жены (прожили вместе 16 лет) женился во второй раз; во время вдовства имел с женщинами редкие половые связи «с кем попало». В последние годы замечает, что половое желание у него есть, а половой силы нет. Признается, что раз, выпив 4 бутылки «ханжи, пристал к дочери». Изнасилование вообще и дочери в частности признает «неудобным», ну а если бы «она согласилась, тогда другое дело».

¹ Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. – Л., 1926. – С. 151.

Старается уверить, что дочь на него наговорила. По мнению С.В. Познышева, Иван Г. представляет собой резко выраженный тип полового насильника².

Вот, собственно, и все комментарии по поводу данного преступления. Из них невозможно понять, почему это преступление произошло, и можно только строить самые различные предположения. С.В. Познышев пытается проанализировать и несколько случаев растления малолетних. Виновных в таких действиях автор называет сладострастными блудниками, «не доходящими до насильственного совершения акта совокупления, а ограничивающимися разными “блудными” действиями». Например, рассказывается о некоем Иване Х., служившем сторожем при заводе, который зазывал к себе в будку девочек 9-11 лет, сажал их к себе на колени, вводил палец в их половые органы и показывал им свой член; аналогичные развратные действия совершал Ш., который под предлогом угощения конфетами увел пятерых девочек на Ваганьковское кладбище; О., учитель музыки и пения в детском доме, который завлекал девочек 8-10 лет к себе домой и т. д. Обо всех виновных говорится, что они импульсивные личности, т. е. люди, действующие по первому побуждению, однако это мало что объясняет, поскольку подобное побуждение может вызвать самые разные поступки, в том числе благородные, о чем предостерегал еще Талейран.

Весьма ограниченными объяснительными возможностями обладают и рассуждения С.В. Познышева по поводу того, что сексуальные преступники, хотя и не могут считаться вполне нормальными людьми, так как у них есть склонности к ненормальным поступкам, однако лишены признаков какого-либо определенного нервного или психического расстройства. Все эти рассуждения вызывают серьезные возражения. Во-первых, здесь очень неубедительным выглядит положение о том, что названные преступники не вполне нормальны в связи с их склонностью к ненормальным поступкам. Однако все (или почти все) преступления можно назвать ненормальными, т. е. выходящими за рамки социальной нормы. С этих позиций и карманный вор, и сексуальный убийца, и взяточник из муниципалитета одинаково ненормальны. Во-вторых, из текстов С.В. Познышева совсем не вытекает, что наличие нервного или психического расстройства было установлено психиатром или невропатологом, а только они и имеют на это право. Очень важно здесь обратить внимание на то, что никакое психическое расстройство непосредственно и однозначно не приводит к преступлению, иначе все психически аномальные люди были бы преступниками. К тому же важно не только констатировать психическую патологию, но и убедиться в том, что она «соучаствовала» в преступных действиях.

Более глубокие и обоснованные суждения относительно половых преступных посягательств высказывал выдающийся отечественный психиатр П.Б. Ганнушкин. В великолепном очерке «Сладострастие, жестокость и религия» он высказывает весьма интересные и нетривиальные мысли. П.Б. Ганнушкин считает, что три чувства, совершенно различные на первый взгляд, – злоба, сексуальная любовь и религиозное чувство – находятся друг к другу в большой близости; когда возрастает их интенсивность, и в особенности когда злость трансформируется в жестокость, в свирепость, сексуальная любовь в сладострастие и религиозное чувство в фанатизм или в мистицизм, тогда эти три чувства совпадают или смешиваются без заметных границ. Религиозное помешательство очень часто связано с болезнями половых органов, и в клинической картине этого помешательства галлюцинации сексуального характера, мастурбация и всякого рода сексуальные эксцессы занимают заметное и постоянное место. Известны случаи, когда религиозное помешательство совпадало с очень частыми поллюциями, или со временем полового созревания, или с началом месячных, или с их временной задержкой.

Живопись, скульптура и поэзия, современные роман и драма часто касаются близости сексуального чувства и жестокости, считал П.Б. Ганнушкин. Зло, которое некоторые люди причиняют другим, вызывает у них чувство сладострастия; с другой стороны, не нужно рас-

² См.: Познышев С. В. Указ. работа. – С. 152.

смаживать как психически больных или дегенератов всех тех, у кого сексуальные функции сопровождаются актами жестокости. Реализация сексуальных функций часто сопровождается жестокостью даже у животных. Так, верблюд в период течки бывает очень злобен и всех кусает, даже самок; в Гамбургском зоопарке самец кенгуру убил самку и детенышей во время вспышки полового возбуждения; кенар в подобных случаях часто разрушает собственное гнездо, разбивает яйца и убивает самку.

Сексуальное чувство, половой акт (копуляция) могут сочетаться с жестокостью тремя способами: 1) жестокость следует за копуляцией; последняя не дает удовлетворения и субъект прибегает к серии зверств над своей жертвой; 2) жестокость предшествует копуляции; в этом случае жестокость восстанавливает потенцию, уже ослабленную или исчезнувшую; 3) копуляция не имеет места и она замещается жестокостью; это садизм в собственном смысле слова, где жестокость является эквивалентом половой любви. Меньшую часть составляют случаи, когда половое возбуждение вызывается не путем совершения поступков, приносящих вред другим, но только при созерцании сцен жестокости и даже только при представлении подобных сцен.

Ссылаясь на ряд исследований, П.Б. Ганнушкин отмечал неограниченные возможности мужчины по отношению к женщине, которая ему отдается, сходство акта половой любви и акта кровавой жестокости, сходство, обусловленное борьбой за первый поцелуй, борьбой за осквернение женщины кровью через разрушение ее эпидермиса, ее растление, сходство, обусловленное истинным или притворным сопротивлением женщины, наконец, переживание победы мужчиной, унаследованное, может быть, с того времени, когда нападение и борьба предшествовали обладанию женщиной. Все это обуславливает некоторое сходство между сладострастием и жестокостью.

С приведенными соображениями можно не соглашаться или соглашаться частично. Например, вызывает некоторые сомнения утверждение по поводу неограниченных возможностей мужчины по отношению к женщине, которая ему отдается. Однако в целом здесь проявляется стремление показать всю сложность проблемы сексуального насилия, скрытый, глубокий характер факторов, вызывающих подобные поступки.

Результаты научных исследований убедительно показывают, что невозможно вскрыть внутренние причины насильственного сексуального поведения с помощью только социологической информации, т. е. сведений о том, когда и какие внешние факторы влияли на человека. Например, совершение половых актов и присутствия детей нельзя назвать веской причиной изнасилований. Такие факты в условиях сельского дома были всегда достаточно распространены. Они могут порождать как циничное к ним отношение, так и равнодушие или отвращение, приводить к невротическим расстройствам и т. д. К тому же, по имеющимся данным, число изнасилований в сельской местности не выше, чем в городах. Более того, есть основания полагать, что в городах оно выше, поскольку там выше уровень латентности.

Совсем неубедительно звучит утверждение, что при совершении изнасилований виновные прежде всего руководствуются хулиганскими побуждениями. По-видимому, настало время отказаться в науке от использования понятия «хулиганские побуждения» для объяснения всего того, что непонятно исследователю, суду, следствию или другому причастному лицу. Мы возражаем также против того, что ненадлежащее, даже аморальное поведение потерпевших может выступать в качестве причин изнасилований. Такое поведение можно рассматривать лишь как условие, способствующее этим преступлениям.

Даже если представить себе человека, который был в детстве и юности свидетелем половых сношений, слышал циничные высказывания в адрес женщин, испытал на себе «тлетворное» влияние буржуазной пропаганды, потребляет спиртные напитки, который не был объектом направленного воспитания в учебных заведениях и трудовых коллективах и обычно «руководствуется» так называемыми хулиганскими побуждениями, ложно понимая героину, которого провоцировала женщина, все-таки остается совершенно непонятным, почему же он

совершил именно изнасилование, да и любое другое преступление. Легко можно представить себе тысячи людей, которые воспитывались в ненадлежащих условиях, обладают негативно оцениваемыми качествами или неправильно ведут себя, но тем не менее не совершают столь тяжких преступлений, да и вообще никаких. Очевидно, нужно установить истинные мотивы изнасилований и сексуальных убийств, понять, почему данный человек в данных обстоятельствах совершил данный поступок, а не какой-нибудь иной. Ведь любая жизненная ситуация содержит веер возможностей выхода из нее, что и является одним из наиболее существенных оснований ответственности, однако виновный выбирает только ту, которая носит противоправный характер. Поэтому поставленный выше вопрос можно сформулировать несколько иначе: почему он выбрал именно эту возможность? Сказать, что это происходит потому, что таков данный человек, значит, в сущности, не сказать ничего. Поэтому мы попытаемся вскрыть те внутренние, субъективные определяющие, которые приводят именно к изнасилованиям.

Вместе с тем, ни в коем случае нельзя отрицать криминогенное значение недостатков в воспитательной работе, в том числе в половом воспитании, роль пьянства, циничных примитивных взглядов на межполовые отношения и других негативных явлений. Эти явления должны быть объектом предупредительного воздействия, но их следует адекватно оценивать, рассматривая в качестве не причин, а условий, способствующих совершению изнасилований.

Не следует игнорировать и то, что многие насильники, действительно, рассматривают женщин как низшие существа, с желаниями которых можно не считаться, и которые чуть ли не обязаны делать то, что пожелает данный мужчина. Немало и тех, кто сводит отношения полов к простым физиологическим актам. Не вызывает сомнений, что у насильников не сформировано представление о ценности женщины, ее свободе, достоинстве, половой неприкосновенности. Сами насильственные действия как раз об этом и свидетельствуют, да и сами насильники подчас не скрывают своего пренебрежительного, циничного отношения к ней. Но это не освобождает от обязанности понять, в силу каких психологических стимулов и механизмов подобные установки реализуются в изнасилованиях. Поэтому вновь можно поставить вопрос: почему далеко не все те, которые отводят женщинам столь унижительную роль, которые выхолащивают из межполовых отношений чувства любви, симпатии, взаимного расположения, доверия, наконец, сексуального принятия и т. д., совершают столь тяжкие преступления?

Сказанное относится и к случаям совершения изнасилований лицами, чьи преступные действия связаны (в той или иной мере) с длительной сексуальной депривацией, т. е. невозможностью удовлетворения половой потребности в течение долгого времени. К ним в первую очередь относятся солдаты срочной службы и те, кто недавно демобилизован из армии, а также лица, освобожденные из мест лишения свободы. Изучение этого вопроса показало, что таких лиц среди насильников незначительная часть. Основную массу подобных преступлений совершают лица, которые имели постоянную возможность удовлетворять половую потребность. Более того, как мы уже отмечали, многие из них были женаты.

Аналогичные наблюдения сделаны и зарубежными исследователями. Так, Х. Шрамм пишет, что почти ни один преступник не действует из сексуальной необходимости. Все преступники, за некоторым исключением, имеют сексуальные отношения с женщинами³.

Мы полагаем, что регулярная половая жизнь женатых мужчин отнюдь не гарантирует того, что они не, будут совершать изнасилований и сексуальных убийств. Более того, последнее весьма вероятно в связи с интимными трудностями, возникающими в сексуальной жизни супружеской пары. Можно предположить, что семейный фактор играет и другую криминогенную роль, но совершенно в ином аспекте, а именно: неприязненные внутрисемейные отношения, постоянные бытовые неурядицы, конфликты, скандалы способствуют взаимному сексуальному отчуждению супругов и как бы выталкивают мужа на улицу, ставя его перед

³ См.: Schramm H. Zur Kriminologie der Sexualdelikte Minderjähriger // Die Polizei. – 1965. – № 1. – С. 28.

необходимостью поиска новых объектов интимного общения и новых (далеко не всегда правомерных) форм сексуальной близости. В других случаях постоянные скандалы заканчиваются насильственными действиями.

Однако и такая цепочка причинно-следственных зависимостей представляется некоторым упрощением чрезвычайно сложной проблемы связи сексуальных и иных отношений супругов и насильственных посягательств на половую неприкосновенность других женщин или на жизнь своей жены. Эта схема все-таки имеет чисто описательный характер, ориентирована на внешне оцениваемую последовательность явлений без вскрытия их внутренней содержательной связи. К тому же непонятно, почему лица, семейные отношения которых вполне благополучны, совершают такие преступления. В этих случаях указанная связь может отсутствовать либо носить глубоко скрытый характер, особенно тогда, когда семейная ситуация насильника со стороны выглядит достаточно благоприятной.

Можно предположить, что причины изнасилований связаны с субкультурой некоторых социальных групп. Наиболее криминогенны те сексуальные нормы, которые влекут за собой отсутствие духовной близости между сексуальными партнерами, пренебрежительное отношение к женщине и понуждение ее к интимной близости. Между тем, сексуальные нормы, допускающие насилие, мало распространены. Имеющие криминогенную значимость нормы о взаимоотношениях полов чаще связаны с менее выраженными формами проявления неуважения к личности женщины.

Криминологическое значение может иметь тот факт, что сексуальная культура каких-то групп готовит почву для совершения изнасилования допущением, например, открытости интимных связей. Шаг в сторону применения насилия от нее короче, нежели от сексуальной субкультуры, налагающей табу на гласность в области интимных отношений. Однако следование нравственным предписаниям в одной социальной группе отнюдь не означает, что представители этой группы будут соблюдать их в контактах с представителями другой общности. Так, в Англии в XIX веке мужчины и средних и высших слоев руководствовались господствовавшими там пуританскими правилами при общении с женщинами того же круга, но могли игнорировать указанные нормы, когда вступали в интимные контакты с представительницами иных социальных слоев. Впрочем, такое встречалось и встречается не только в Англии.

Изнасилования во многих случаях являются воплощением в жизнь представлений о допустимости принуждения к интимной близости с женщиной, которая согласилась распивать спиртные напитки наедине с мужчиной. В других ситуациях эти же мужчины не совершают посягательства на половую неприкосновенность женщины. Этот пример показывает, что конкретная сексуальная субкультура не носит тотального негативного характера, и каждый ее представитель действует индивидуально. Другой важный момент: живучесть негативных сексуальных норм определяется не только социальной памятью, но и возможностью их реализации в поведении конкретного человека. Причем они сильнее закрепляются тогда, когда основанное на них поведение позволяет достичь поставленных целей, а наказание за проявленное в той или иной форме неуважение к женщине не следует.

Можно рассуждать и от обратного: если сексуальная субкультура допускает в каких-то интимных обстоятельствах проявление мужчиной неуважения к женщине, то это может означать, что она же содержит нормы, прививающие женщине представление о допустимости такого отношения к ней. Более того, все другие лица, придерживающиеся той же субкультуры, рассматривают такое сексуальное поведение как непорицаемое. Имея это в виду, изнасилование, совершаемое на почве совместного времяпрепровождения мужчины и женщины или в иных ситуациях, можно рассматривать как использование виновным каких-то негативных сексуальных представлений, присущих потерпевшей и ее ближайшему социальному окружению, или как его ошибку в первоначальной оценке сексуального кредо женщины.

Этот уровень объяснения причин изнасилований – преимущественно социально-психологический, основанный на этических ориентациях и ценностях отдельных социальных групп. Эти группы, как можно предположить, в значительной своей части неформальные и выделяются по различным параметрам, в том числе и по месту, которое они занимают в общественном производстве. Социально-психологический уровень достаточно конструктивно объясняет совершение многих сексуальных посягательств, поэтому преступники, как бы представляющие этот уровень, нами в дальнейшем выделяются в самостоятельный тип насильника со всеми присущими ему психологическими чертами.

Однако только социально-психологическое объяснение причин изнасилований (как, по-видимому, и других сексуальных преступлений) не может, на наш взгляд, иметь всеобъемлющее значение, т. е. не способно раскрыть причины всех таких преступлений, и в этом его недостаточность. Например, оно не может быть полным для понимания внезапных, «ночных» нападений на незнакомых женщин преклонного возраста. Отметим в этой связи, что сексуальные посягательства на малолетних девочек и женщин преклонного возраста порицаются всеми сексуальными субкультурами. В то же время не подлежит сомнению, что любой насильник придерживается каких-то взглядов в области сексуального поведения и является носителем определенных представлений из этой области, присущих его социальной группе.

Сексуальные действия в отношении детей и тем более их убийства почти всегда вызывают крайне негативную реакцию со стороны других преступников. Многочисленные наблюдения показывают, что в местах лишения свободы осужденные за названные преступления постоянно унижаются и преследуются, их избивают и могут убить, издевательства над ними, как правило, принимают сексуальный характер. Они как бы отвергаются сообществом лишенных свободы, становятся изгоями, низводятся на низшую ступень социальной лестницы. Поэтому администрация исправительных учреждений иногда бывает вынуждена охранять таких лиц. Например, М., осужденный за изнасилование своей малолетней дочери, все время подвергался оскорблениям и побоям, ему не разрешали садиться за общий стол, дотрагиваться до ручек дверей и т. д. Администрация одной женской колонии имела все основания опасаться за жизнь одной преступницы, осужденной за то, что она отрубила кисти рук двум детям (4 и 6 лет) своей соперницы.

Разумеется, самоуправные действия одних преступников в отношении других не могут быть оправданы. Но очень непонятны и слишком мягкие приговоры подобным людям. Есть все основания считать, что смертная казнь всегда должна применяться в отношении убийц детей, лиц, совершивших убийства за плату или убийства с особой жестокостью, всех тех, кто убивает не в силу личной вражды или ненависти к конкретному человеку, а без страсти и эмоций, только потому, что перед ним живая жизнь.

В зарубежной криминологии существует ряд теорий, содержащих попытки объяснения изнасилований. Кратко изложим их основное содержание.

Символическая интеракционистская теория исходит из того, что социальное взаимодействие осуществляется с помощью знаков, символов, жестов, игры глаз и слов. Люди наблюдают друг за другом, интерпретируют действия другого и ведут себя соответственно; к этим реакциям можно причислить и изнасилования. Интеракционисты считают, что изнасилование – это способ выражения отношений и чувств, испытываемых мужчинами и женщинами друг к другу. Здесь упор делается на реакцию насильника на поведение жертвы, которая иногда выступает в роли «вдохновительницы» насилия. Она пускает в ход то, что можно было бы расценить как непристойность в словах и жестах, или она ведет себя таким образом, что это рассматривается как приглашение к половой связи.

При таком образе мышления в психологической окраске поведения потерпевших присутствует что-то, что отличает их от нежертв. Провоцирующие поступки женщин могут привести к сексуально опасной ситуации. Теория «провоцирующей жертвы» опирается в основном

на позицию насильника, которая выражается обычно в таких словах: «она попросила об этом», «она недостаточно сильно сопротивлялась», «ее поведение было провоцирующим», «она изменила свое решение слишком поздно» и т. д. Названная теория превращает подобные рационалистические объяснения насильников в причинное объяснение актов насилия. Сторонники этой теории полагают, что недвусмысленное выражение жертвой ее нежелания сразу бы оставило насильника.

Однако если насильник при нападении явно неправильно истолковывает намерения женщины, то тогда данная теория опирается на несколько иные исходные посылки. В таких случаях и преступник, и жертва неправильно истолковывают поведение друг друга. Она принимает за милость факт принятия им ее отказа при его заигрывании. Насильник, с другой стороны, истолковывает отказ жертвы чисто как проявление благопристойности. В итоге, считая, что сопротивление женщины – это маска, под которой скрывается тайное желание подчиниться сильному мужчине, он принимает решение действовать таким образом, как будто бы она дала свое согласие.

Некоторые зарубежные исследователи и практические работники полиции отмечают, что в отдельных европейских странах и США среди насильников и сексуальных убийц довольно велика группа мужчин с черной кожей (до 30–35 %). Однако подобные наблюдения не дают никаких оснований думать, что черная раса обладает повышенной предрасположенностью к насилию, и никакие расовые теории под это не могут быть подведены. Дело в том, что высокий удельный вес чернокожих преступников наблюдается там, где представители этой расы адаптированы хуже других, т. е. плохо обеспечены материально, заняты непрестижным трудом, имеют низкий образовательный уровень, испытывают к себе недоверие и даже вражду и т. д. Сексуальное насилие для некоторых из таких людей является способом самоутверждения. Нелишне вспомнить и о том, что с древнейших времен женщина ассоциировалась не только с природой и ее способностью к оплодотворению, но и с богиней-матерью. Насильственное овладение женщиной другого рода или племени символизировало овладение божеством этого народа, следовательно, его подчинение. Почему не предположить, что этот древний механизм действует и сейчас?

Некоторые психоаналитические теории исходят из того, что у большинства насильников наблюдается сильная ненависть к женщинам с раннего детства, или они пережили события, которые активизировали скрытые гомосексуальные тенденции. В последнем случае насилие мотивируется отчаянным желанием утвердиться в своей мужественности. По мнению Т. и Х. Швендингер, такие объяснения изнасилований не доказаны или доказаны не полностью, однако мы попытаемся показать обоснованность этих взглядов.

Психоаналитические идеи являются центральными в социологической концепции «субкультуры насилия». Данная субкультура предположительно создается мужчинами, живущими в одном и том же районе (местности), которые, прибегая к насилию, находят выход своей сексуальной амбивалентности (двойственности) и расстройством. Доказательств этой концепции очень мало, более того, считают упомянутые авторы, они никогда не появятся, поскольку есть множество примеров, когда изнасилования совершались людьми из национальных групп, в которых наблюдались традиционные семейные связи. В этих группах женщины подчиняются мужчинам согласно стабильным патриархальным формам доминирования, а не моделям, где доминирует материальное начало. Однако если воспитанный в такой патриархальной субкультуре мужчина встречается со случаями, когда высокий статус женщины и ее автономия подрывают его мужское превосходство, то это тоже может стать причиной изнасилования.

С совершением изнасилований женщин другой национальности, а в некоторых случаях и их последующего убийства мы сталкивались неоднократно. Такого рода преступления сейчас нередки во время межнациональных столкновений в странах бывшего СССР, и преодоление последствий подобных преступлений представляет собой очень трудную, а подчас и неразре-

шимую проблему. Нельзя делать вид, что ее нет, напротив, следует искать формы и способы помощи обесщеченным (и, конечно, ни в чем не виновным) женщинам. С этой проблемой сталкиваются и другие страны, например, Кувейт после иракского нашествия.

Вместе с тем надо иметь в виду и те случаи, когда мужчина, воспитанный в традиционной семейной культуре, совершает сексуальное насилие в отношении женщины, принадлежащей к той же национальной группе. Обычно это происходит в ситуациях, когда потерпевшая представляется насильнику значительно менее ценной в этическом плане, чем его собственная супруга или некий национальный женский образ.

Теория структурной возможности (Л. Кларк и Д. Левис) основывается на том, что мужчины расценивают женщин как владельцев оплачиваемых сексуальных свойств. С точки зрения мужчины, женская сексуальность – это товар, которым владеют женщины, и даже если при определенных условиях мужчина и является владельцем этого товара, его нужно контролировать. Женщины рассматриваются как хранительницы и скупые распорядительницы страстно желаемого мужчинами товара, а мужчины в погоне за ним должны постоянно обихаживать женщин, заключать сделки и оплачивать удовольствие. Если что-то и лежит в основе женоненавистничества, то именно эти факты. Мужчины, естественно, негодуют и ненавидят женщин, так как они расценивают их как обладательниц того, что им необходимо, и на что они имеют священное право, но что женщины отдают с неохотой. Право на обладание женщиной надо покупать.

Женщины со своей сексуальностью продаются и покупаются на открытом рынке. Мужчины, располагающие деньгами и другими ресурсами, просто заключают сделку в своих собственных интересах. Мужчины, которые непривлекательны и к тому же бедны, будут стремиться завладеть женщиной силой, так как у них нет иных средств, чтобы заключить сделку. Не удивительно, что насильники из низших слоев населения часто в качестве жертвы выбирают женщин среднего класса. В обществе, где женщинам приклеиваются разные ярлыки стоимости, неизбежно, что некоторые из них будут стоить для отдельных мужчин очень дорого, но последние, тем не менее, будут стремиться к тому, что не могут себе позволить.

Критикуя теорию структурной возможности, Т. и Х. Швендингер ставят резонный вопрос: почему же совершаются изнасилования мужчинами с достатком, приятной наружности и с шармом? Исследования показывают, что в большинстве своем жертвами изнасилований являются женщины, принадлежащие к бедному сословию, и обычно на них нападают мужчины, принадлежащие к этому же классу. Как правило, сексуальные отношения не определяются исключительно принуждением и товарным обменом. В каждой стране миллионы мужчин и женщин, выходцев из рабочих, несмотря на трудности жизни, жертвуют собой друг ради друга и ради своих детей. Поэтому претендующие на универсальность утверждения Л. Кларка и Д. Левиса о том, что взаимоотношения между мужчинами и женщинами приводят к женоненавистничеству и тем самым основываются на вражде и недоверии, просто неверны.

Еще одна из современных криминологических теорий связывает изнасилования с животными, несоциализированными инстинктами мужчин. Сторонники этой теории считают, что хищническая природа мужчин и их собственнические устремления являются основополагающими причинами полового неравенства и изнасилований. По мнению С. Браунмиллер, эти явления определяются чисто биологическими факторами: «из-за строения половых органов мужчина был натуральным хищником, а женщина служила для него добычей». К тому же мужчина деспотичен от природы, и изнасилование поддерживает его превосходство и привилегии. Изнасилование – не более как осознанный процесс запугивания, благодаря которому все мужчины держат всех женщин в состоянии страха. Тактически насильники – ударная сила, делающая свою черную работу от лица всех мужчин.

Это не только война мужчин против женщин, но и мужчин против мужчин, поскольку в этой теории женщина рассматривается как собственность других мужчин. Изнасилование

является выражением естественного эгоистического желания обладать этой собственностью или проявлением мстительности, желанием подчинить себе обстоятельства, порождаемые всеобщим эгоизмом. Насильники бросают вызов всему мужскому сообществу, они насилуют, чтобы властвовать над другими мужчинами или чтобы отомстить своим соперникам.

Сексуальное насилие как решение важнейшей жизненной задачи

Чтобы адекватно объяснить причины изнасилований и сексуальных убийств, недостаточно опираться на достижения сексологии или психиатрии, пусть даже самые современные. Необходимо взглянуть на это преступление с максимально широких социальных, этических и психологических позиций, поставив перед собой вопрос: какую роль вообще играют сексуальные отношения в жизни человека?

Можно взять на себя смелость утверждать, что с древнейших времен и до наших дней внимание мировой цивилизации сосредоточено на трех главных вопросах бытия: жизни, ее смысле и предназначении; таинстве смерти; отношениях между полами. Собственно, этому посвящено все мировое искусство, литература и наука, от «Махабхараты», ведийской и аккадской поэзии, древнееврейских библейских и буддийских текстов, древнегреческих мифов и Гомера – до Пастернака и Фолкнера, и, конечно, с активным участием философов, социологов, богословов, психологов, медиков, этнографов, историков, демографов, юристов и в равной мере скульпторов, художников, композиторов.

Остальные темы – дополнительные и второстепенные, в конечном счете производные, всегда зависящие от названных трех фундаментальных проблем и определяемые ими. В то же время эти последние теснейшим образом переплетаются друг с другом и не существуют изолированно. Если жизнь и смерть – не просто антиподы, но и разные стороны одного целого, то отношения полов находятся между ними, давая начало жизни. Любовь часто становится смыслом жизни и причиной смерти: в убийствах на почве ревности это проявляется очень ярко.

Понятно, что вопросы жизни, смерти и отношений между мужчиной и женщиной нуждаются в особо строгом регулировании и относятся поэтому к числу важнейших в праве. С появлением криминологии как самостоятельной науки эти вопросы стали рассматриваться с активным использованием достижений других наук, в первую очередь психологии и психиатрии, в последние годы – сексологии и сексopatологии, а в будущем, как можно полагать, будут обращаться к достижениям биологии.

Криминология – единственная наука, пытающаяся понять, почему убивают людей, в чем здесь загадка, что хотели сказать природа и общество, делая одного человека орудием уничтожения другого, в чем смысл подобных поступков. Криминология же предпринимает усилия, чтобы объяснить, почему контакт или связь с женщиной либо признание с ее стороны настолько значительны для мужчины, что он применяет насилие, в том числе для овладения ею, а нередко и убивает ее, иногда с особой жестокостью, причиняя неимоверные страдания и мучения. Другая не менее сложная тайна: почему жертвами мужского насилия становятся дети – девочки и мальчики, пожилые, даже очень старые, женщины, почему женщины, особенно молодые, принимают активное участие в совершении изнасиловании представительниц того же пола? Причем, совершая такие действия, человек обычно теряет свое человеческое обличье, с облегчением сбрасывает с себя покровы цивилизации, рвет ее узы в себе самом, с упоением или яростью отдаваясь инстинктам и влечениям, преступая все мыслимые запреты.

Все эти проблемы имеют бытийный характер, отражают наиболее актуальные потребности людей, их глубинные и интимные основы жизни, причём в таком качестве названные проблемы обычно не осознаются, а еще реже рефлексировются в сознании причины подобных поступков. Но от этого они, вызывая самую острую общественную реакцию, становятся еще больше запутанными.

Понять сексуальных преступников и их поступки можно только в том случае, если проникнуть во внутренний мир этих людей, в то, что составляет основу их бытия и мироощуще-

ния. Такое проникновение позволит отбросить распространенное в отечественной науке мнение, что многие преступления, в том числе сексуальные, совершаются случайно и случайными людьми. Конкретные же исследования живых преступников, а не «мертвых» уголовных дел или данных статистики убеждают в том, что нет случайных преступлений и случайных преступников, а преступное поведение внутренне закономерно и даже целесообразно для данного лица. Образно говоря, преступление – это необходимый выбор. Более того, реализуя такое поведение, преступник всегда выигрывает в психологическом плане, что особенно заметно при анализе половых преступлений, поскольку при их совершении имеет место попытка компенсации индивидуальных психологических дефектов личности. Именно эти дефекты определяют, обусловливают применение насилия, а не иного способа разрешения субъективно воспринимаемой и оцениваемой собственной жизненной ситуации.

Поэтому можно сказать, что внутренние причины преступных сексуальных посягательств связаны с особенностями представления преступника о самом себе, с «Я»-концепцией, самоприятием, а также с потребностью получения максимума удовлетворения и тем самым подтверждения (и утверждения) своей личности. Дело в том, что сексуальное насилие и совращение детей наряду с умышленным убийством и умышленным нанесением тяжких телесных повреждений составляют группу таких поступков, которые посягают на сами основы человеческого существования и сосуществования. Поэтому эти посягательства вызывают наибольшее осуждение общества, и для их оправдания и самооправдания труднее всего, а в некоторых случаях и невозможно найти аргументы. Вот почему достаточно обоснованно предположение, что виновному во что бы то ни стало нужно было их совершить, и только в этом случае он получал тот огромный психологический выигрыш, о котором мы упомянули выше. Выигрыш действительно должен быть огромен, иметь поистине бытийное значение, чтобы человек мог решиться на соответствующее действие.

Многие насильники, как можно заметить по их рассказам и конкретным преступным действиям, в момент сексуального насилия ощущают себя подлинными хозяевами жизни, и не только жертвы, но и своей собственной. Глумление над женщиной, ее садистское унижение, характерные для многих «серийных» убийц и насильников, а также для преступных подростковых групп, свидетельствуют именно о стремлении возвысить себя, растоптав другого. Смысл такого, да и любого другого преступления никогда не лежит на поверхности, он всегда спрятан в глубины психики, куда сам человек не умеет, а если бы умел, то далеко не всегда захочет заглянуть. Поиски смысла самых кровавых преступлений никогда не представляют собой попытки оправдать преступника – только понять, только объяснить. Это крайне необходимо, чтобы эффективнее предупреждать подобные деяния, чтобы действительно исправлять преступников.

При этом столь острая нужда в подавлении другого человека, как ни парадоксально, может и не осознаваться, впрочем, чаще всего так и бывает. Более того, мы полагаем, что эта нужда принципиально неосознаваема личностью, так же, как, например, собственная психологическая структура. Нужно особенно подчеркнуть, что нужда, потребность, тем более острая, всегда отражает существенную зависимость от чего-то, что имеет жизненно важное значение, и чем жестче эта зависимость, тем выше вероятность, неотвратимость совершения определенных действий, в нашем случае – преступных. Но осознавать подобную зависимость, тем более лежащую в плоскости глубоко интимных переживаний, сексуальных влечений, почти всегда очень травматично для субъекта, и в этом он редко признается даже самому себе. По этой причине она им вытесняется.

Человек совершает сексуальные преступления в том случае, если не принимает себя таким, каким себе представляется. Неприятие прежде всего проявляется в определенном, негативном эмоциональном отношении к самому себе, к собственному поведению, своему биологическому и социальному статусу. Но иногда (это характерно для совершивших изна-

силование) человек, как ему кажется, примет себя при некоторых специфических условиях, являющихся порождением его «Я»-концепции. Например, самоприятие может быть достигнуто, если повышен или сохранен его статус в неформальной группе, преодолено, в психологическом аспекте прежде всего, доминирование противоположного пола либо осуществилось самоутверждение в мужской роли, которое, естественно, трактуется крайне субъективно, и иначе просто не может быть. Утверждение и самоутверждение в мужской роли как раз и имеет бытийное значение для личности. Если она не сможет это сделать, будут подвергнуты сомнению основы ее существования, ее самоприятие.

В иных случаях в основе преступного сексуального поведения лежат не стремление к изменению собственного представления о себе и тем самым повышение самоприятия, а чисто защитные задачи. Изнасилование в этом случае является формой защиты имеющегося представления о себе и самоприятия от угрозы, связанной с определенным субъективно унижающим преступника поведением женщины, которое наносит удар по его самоприятию и оценке себя в мужской роли. При этом важно отметить, что поведение женщины объективно внешне может и не быть таковым. Более того, она может и не подозревать об этом. Представление насильственного преступника о себе строится на том, каким он представляет себя в глазах женщины.

Насильник, например, внезапно налетающий на свою жертву, почти всегда выглядит грозным, внушающим панический страх, и именно это обстоятельство заставляет цепенеть жертву, полностью лишая ее возможности к сопротивлению. Но потом, добившись своего, многие из таких преступников выглядят жалкими, мелкими, ничтожными людьми. Они что-то бессвязно лопочут в целях оправдания, начинают даже обвинять несчастную женщину, иногда просят прощения, а некоторые вдруг начинают объясняться в любви и предлагают встретиться еще раз. Поэтому есть все основания думать, что эта ничтожность и есть подлинная натура насильника. Конечно, подобные преступники от этого отнюдь не становятся менее опасными, но мы должны знать, что к насилию, как правило, прибегают те, которые слабы. Это проявляется в широчайшем диапазоне человеческой деятельности – от спорта до половых преступлений: футбольный защитник, у которого не хватает мастерства, чтобы обыграть нападающего, бьет его по ногам, мужчина, который не может установить с женщиной нормальный сексуальный контакт, насилует ее.

Еще одно важное замечание, относящееся к большинству насильственных сексуальных преступлений: межполовые отношения лишь в силу определенных личностных дефектов, особенно связанных с прожитой жизнью и приобретенным опытом, становятся субъективно наиболее значимыми, т. е. приобретают бытийный характер. Поэтому такие отношения переживаются наиболее остро, что и определяет фиксацию на сексуальной сфере и повышенную чувствительность, т. е. чувствительность, восприимчивость к любым элементам в сфере контактов между мужчиной и женщиной. Предпринимая сексуальное насилие, виновный решает самую главную для себя задачу: подтверждает право на свое существование, бытие в собственных глазах в первую очередь, ибо его бытие зиждется на роли и поведении в сексуальной сфере, на признании себя в этой сфере.

Именно в этом можно найти объяснение, хотя бы и частичное, причин «серии» тяжких сексуальных преступлений, многие из которых заканчиваются убийствами потерпевших, а также многоэпизодных развратных действий в отношении несовершеннолетних. Первое, что обращает на себя внимание при анализе: их совершение почти всегда носит компульсивный характер, т. е. характер вынужденного влечения. Преступника как бы непреодолимо влечет к названным поступкам, его что-то «тащит» за собой, и в общем-то он мало управляет своим поведением. Причем все это делается в условиях очень большого риска, более чем вероятной кары, и, как показали многочисленные беседы с такими лицами, они вполне понимают исключительно безнравственный характер своего поступка, даже осуждают его и не ищут ему оправ-

дания в поведении потерпевших, но ничего не могут с собой поделать. Как легко можно заметить, их действия очень сильно напоминают действия алкоголиков и наркоманов. Но сходство здесь отнюдь не только внешнее, поскольку и те, и другие неудержимо влекомы и не могут обойтись без того, что вызывает осуждение у всех других. Напрашивается вывод, что и причины у них должны быть схожи, особенно если иметь в виду психологический уровень.

И ни в коем случае нельзя снимать ответственность и с общества, которое не оказывает действенную помощь людям с навязчивыми расстройствами сексуальных влечений. Некоторые половые преступники с полным на то основанием жалуются, что они неоднократно обращались к врачам по поводу таких своих недугов, но им не смогли или не захотели помочь. Например, Ч., 30 лет, был трижды осужден за развратные действия в отношении несовершеннолетних – всегда мальчиков, в присутствии которых онанировал и вовлекал их в гомосексуальные контакты. Онанировать стал с 10 лет, при этом всегда стремился сделать это в присутствии других мальчиков, что позволяет уверенно предположить, что вначале у него развился эксгибиционизм, отягощенный затем гомосексуализмом.

Ч. прожил несчастливую жизнь. До семи лет воспитывался в детском доме, потому что болела мать, а отец был неизвестен, как, впрочем, и отец сестры, и они даже не знают, общий ли у них родитель. Это очень важное обстоятельство, накладывающее значительный отпечаток на всю последующую жизнь, – начать свой жизненный путь в условиях почти полной неопределенности, когда у маленького мальчика отсутствует мать, а об отце вообще нет никаких сведений. Для такого незащищенного родительской любовью ребенка мир приобретает не только враждебный характер, но и весьма неясные очертания. Во всяком случае, это чуждая и непонятная среда, нормы которой поэтому совсем не обязательны, а следовательно, можно потом совращать других мальчиков. Но почему мальчиков, а не девочек? Мать Ч., выздоровев, взяла его домой, но беда в том, что она чрезмерно пила (живший вместе с ней брат был алкоголиком) и вступала в беспорядочные половые связи, причем все это дома, на глазах у сына. Так продолжалось 3 года, и в 10 лет его направили в интернат. Нет ничего удивительного в том, что Ч. «к девочкам никогда не тянуло. Женщины не интересовали и не интересуют совершенно. Я хотел перебороть себя и встречался с одной женщиной 2 месяца, но ничего с ней не получилось, я даже не знал, как и с чего начать». Как мы видим, нанесенная в детстве психотравма оказалась очень глубока.

Этот развратитель трижды отбывал наказание в местах лишения свободы, но ему там не оказали никакой сексопатологической помощи («Меня только все ругали»). Он сам понимал, что так продолжаться не может и уже после первого освобождения обратился к врачу, но помощи не получил. То же самое повторилось, когда он вышел из тюрьмы во второй раз.

Мы думаем, что влекомость и неудержимость при совершении многих сексуальных преступлений, помимо физиологических механизмов, определяется тем, что человеку чрезвычайно важно утвердить то, что составляет основу его существования, а поэтому вновь и вновь он совершает подобные действия. Их повторяемость тем выше, чем меньше его уверенность в себе, чем сильнее у него неосознаваемое стремление стать таким, каким ему хотелось бы себя видеть, но каким он по своему внутреннему ощущению не является, чем больше он нуждается в компенсации своих личностных дефектов, и чем болезненнее для него собственные жизненные провалы и катастрофы. Воздержание от сексуальных посягательств может означать утрату своей индивидуальной определенности – как при алкоголизме и наркомании.

Конечно же, приведенные рассуждения представляют собой не первую попытку особо выделить жизненно важное значение отношений между полами. Выдающийся русский мыслитель Н.А. Бердяев писал: «Вопрос о поле и любви имеет центральное значение для всего нашего религиозно-философского и религиозно-общественного мирозерцания. Главный недостаток всех социальных теорий – это стыдливость, а часто лицемерное игнорирование источника жизни, виновника всей человеческой истории – половой любви. С полом и любовью

связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полом и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия. Это мучительнейший вопрос для каждого существа, для всех людей он также безмерно важен, как и вопрос о поддержании жизни и смерти. Это проклятый, мировой вопрос, и каждый пытается в уединении, тщательно скрываясь, таясь и стыдясь, точно позора, преодолеть трагедию пола и любви, победить половое разъединение мира, эту основу всякого разъединения, последний из людей пытается любить, хотя бы по-звериному»⁴.

Тайна разрыва и тайна всякого соединения... Мучительнейший вопрос, мировой вопрос... Это обо всем человечестве, о всех людях, и преступниках в том числе. Это великая загадка природы, которую каждый решает по-своему, «хотя бы по-звериному». Поэтому мы особенно подчеркиваем индивидуально-бытийный характер проблем, решаемых при совершении большинства сексуальных преступлений. Б.С. Соловьев считал, что «смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма»⁵. Но это – смысл любви, а при сексуальных преступлениях она обычно отсутствует, посягающий, как можно предположить, тоже спасает свою индивидуальность, но, понятно, не жертвует своим эгоизмом, а приумножает его.

Сексуальных преступников отличает целый ряд специфических представлений и ориентаций. Так, для лиц, совершающих изнасилования, ценность женщины обычно очень велика, но в то же время чрезвычайно низка ее половая неприкосновенность. Более того, последняя ими вообще не воспринимается как какая-то ценность, и к женщинам у таких людей двойственное отношение – тяготения и отвергания одновременно. Чем глубже и травматичнее у них переживания в сексуальной сфере и межполовых отношениях, чем меньше они осознаются, чем стабильнее установки на отрицание половой неприкосновенности женщины, чем острее воспринимается она в качестве источника глубокой психотравмы, тем выше вероятность совершения тяжких сексуальных преступлений с нанесением опасных телесных повреждений, в том числе повторных.

Эту же принципиально важную мысль, имеющую объяснительное значение для понимания любых преступлений, можно выразить так: чем жестче психологическая зависимость человека от внешних ситуаций и травматичнее вызываемые ими переживания, тем выше степень его несвободы и, следовательно, вероятность совершения им преступления. Таким образом, несвобода и есть главная глубинная психологическая причина преступного поведения, и в этом плане предлагаемое решение соответствует представлению великого датского мыслителя С. Кьеркегора: «Понятие, противоположное греху, есть не добродетель, а свобода».

Весьма важно отметить, что все черты нравственно-психологической характеристики личности сексуального преступника формируются, развиваются и закрепляются в личности с первых дней жизни индивида. Вот почему справедливо утверждение, что сексуальное преступление, как и любое другое, подготовлено всем ходом жизни, является ее итогом, и вне этого контекста оно не может быть адекватно объяснено. Вот почему генетический анализ преступных половых посягательств крайне важен для дальнейших сексолого-криминологических поисков, его можно и нужно считать самостоятельным направлением исследований.

Очень интересной и столь же сложной является криминологическая оценка роли аномалий психики в совершении половых преступлений, и изнасилований в частности. Однако представляется необходимым вначале изложить некоторые принципиальные соображения о криминогенности психических расстройств применительно к любым преступлениям.

Психические нарушения не представляют собой субъективную причину преступного поведения, т. е. не должны рассматриваться в качестве главного источника такого поведения,

⁴ Бердяев Н.А. Эрос и личность. Метафизика пола и любви. – М., 1989. – С. 17.

⁵ Соловьев В. С. Соч. Т. 2. – М., 1988. – С. 505.

поскольку они могут выступать лишь в качестве внутреннего условия. С учетом результатов последних эмпирических исследований и их теоретической интерпретации мы хотели бы изложить некоторые наши взгляды по этой сложной проблеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.